

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-226-235

КУЗНЕЦОВ Никита Константинович,
Ведущий юрисконсульт
Акционерное общество «СЗПК»,
Санкт-Петербурга, Россия,
e-mail: nikita15102001g@mail.ru

ОБМАН И ПРЕДДОГОВОРНАЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ: ГРАНИЦА МЕЖДУ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ СПОРОМ И МОШЕННИЧЕСТВОМ

Аннотация. Статья посвящена разграничению обычного гражданско-правового неисполнения обязательства, преддоговорной недобросовестности и мошенничества, совершаемого посредством использования договорной формы. Актуальность темы обусловлена тем, что в судебной и следственной практике один и тот же фактический массив нередко получает взаимоисключающую правовую оценку: от квалификации как хозяйственного спора до вывода о хищении путем обмана или злоупотребления доверием. Цель исследования — сформулировать научно обоснованные и практически применимые критерии разграничения указанных явлений. Методологическую основу работы составили формально-юридический, системный, логико-догматический, сравнительно-правовой и кейс-аналитический методы. В статье проанализированы положения гражданского и уголовного законодательства, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, а также современная цивилистическая и уголовно-правовая доктрина. В качестве результата предложена трехуровневая система признаков исходного умысла и шестишаговый тест разграничения, основанный на моменте возникновения умысла, характере сообщенных контрагенту сведений и совокупности последующего поведения лица. Сделан вывод, что само по себе неисполнение обязательства не образует мошенничества; решающее значение имеет доказанность того, что договор использовался изначально как инструмент противоправного завладения имуществом или правом на имущество.

Ключевые слова: преддоговорная недобросовестность, обман, мошенничество, злоупотребление доверием, добросовестность, переговоры о заключении договора, заверения об обстоятельствах, неисполнение обязательства.

KUZNETSOV Nikita,
Leading Legal Adviser NWPC Joint Stock Company,
Saint Petersburg, Russia

DECEIT AND PRE-CONTRACTUAL BAD FAITH: THE LINE BETWEEN A CIVIL LAW DISPUTE AND FRAUD

Annotation. The article examines the distinction between an ordinary civil-law breach of contract, pre-contractual bad faith and fraud committed through the use of a contractual form. The relevance of the topic stems from the fact that, in judicial and investigative practice, the same factual pattern is often given mutually exclusive legal assessments: from a mere commercial dispute to theft by deceit or abuse of trust. The purpose of the study is to formulate scientifically grounded and practically applicable criteria for distinguishing these phenomena. The methodological framework combines formal legal, systemic, logical-dogmatic, comparative legal and case-analytical methods. The article analyzes the relevant provisions of civil and criminal legislation, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as recent civil-law and criminal-law scholarship. As a result, the author proposes a three-level system of indicators of initial intent and a six-step test of differentiation based on the moment when intent arose, the nature of information communicated to the counterparty and the aggregate of subsequent

conduct. The article concludes that non-performance of an obligation as such does not amount to fraud; the decisive issue is whether it is proven that the contract was initially used as an instrument for the unlawful acquisition of property or rights to property.

Key words: *pre-contractual bad faith, deceit, fraud, abuse of trust, good faith, contractual negotiations, representations, non-performance of obligations.*

Введение

Вопрос о границе между гражданско-правовым спором и мошенничеством относится к числу наиболее сложных на стыке частного и уголовного права. Формально одна и та же фактическая ситуация может быть описана как нарушение обязательства, недобросовестное поведение при переговорах, предоставление ложных заверений об обстоятельствах либо как хищение путем обмана или злоупотребления доверием. На практике именно эта многовариантность квалификации и порождает две встречные ошибки: криминализацию обычного хозяйственного риска и, напротив, маскировку заведомо мошеннических схем под «обычный предпринимательский спор» [7; 10; 11].

Для гражданского права отправной точкой является презумпция добросовестности участников оборота. Верховный Суд Российской Федерации прямо указывает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении обязанностей участники гражданских правоотношений предполагаются действующими добросовестно, пока не доказано иное [1; 7]. Преддоговорная ответственность в российском праве также выстроена вокруг критерия недобросовестности: в переговорный процесс запрещено вступать или продолжать его при отсутствии реального намерения достичь соглашения, равно как запрещено сообщать неполную либо недостоверную информацию об обстоятельствах, имеющих значение для будущего договора [1; 8; 9].

Уголовно-правовой подход строится иначе. Для мошенничества решающим оказывается не само по себе неисполнение обязательства, а наличие первоначального умысла на безвозмездное противоправное завладение чужим имуществом или правом на него. Верховный Суд Российской Федерации специально подчеркивает, что применительно к частям 5–7 статьи 159 УК РФ уголовная ответственность возможна лишь тогда, когда прямой умысел, направленный на хищение, возник до получения имущества либо права на имущество, а само неисполнение договора было способом такого завладения [10; 11; 22]. Тем самым момент возникновения умысла превращается в ключевой разграничительный критерий.

Однако сведение проблемы только к моменту умысла недостаточно. Практика показывает, что умысел почти никогда не доказывается прямыми признаниями и обычно реконструируется по объективным фактам: содержанию пред-

договорных коммуникаций, характеру сообщенных сведений, наличию или отсутствию реальной возможности исполнить обязательство, а также по последующему поведению лица после получения денег, товара, имущества или имущественного права [3; 10; 11; 23; 25]. Именно поэтому проблема разграничения требует межотраслевого анализа, способного соединить цивилистические конструкции добросовестности и преддоговорной ответственности с уголовно-правовыми признаками мошенничества.

Исследовательский пробел состоит в том, что современная литература достаточно подробно описывает либо гражданско-правовую ответственность за недобросовестные переговоры, либо уголовно-правовые признаки мошенничества, но существенно реже предлагает единую модель разграничения трех явлений: обычного нарушения обязательства, преддоговорной недобросовестности и мошенничества. Между тем именно эта промежуточная зона вызывает наибольшие трудности у судов, следствия, адвокатуры и договорной практики [2; 4; 6; 15; 18–20].

Цель настоящей статьи состоит в формулировании научно обоснованных и практически применимых критериев разграничения названных явлений. Гипотеза исследования заключается в том, что выстроить устойчивую разграничительную модель возможно через совокупный анализ трех групп обстоятельств: во-первых, момента возникновения умысла; во-вторых, характера сообщенных контрагенту сведений; в-третьих, поведенческих индикаторов, ретроспективно подтверждающих отсутствие изначального намерения исполнить обязательство. Научная новизна работы состоит в разработке трехуровневой системы признаков исходного умысла и шестиступенчатого теста квалификации, ориентированного одновременно на нужды гражданского оборота и на задачи уголовно-правовой оценки поведения.

Литературный обзор

Литература по рассматриваемой теме развивается по трем взаимосвязанным направлениям. Первое направление охватывает исследование переговоров о заключении договора и преддоговорной ответственности. В этих работах подробно анализируются понятие переговоров, пределы свободы переговоров, содержание обязанности действовать добросовестно и проблемы доказывания недобросовестности. А.С. Райников

последовательно показывает, что свобода переговоров является самостоятельным аспектом принципа свободы договора и не может пониматься как разрешение на произвольное причинение потерь контрагенту [17–19]. С.К. Соломин и Н.Г. Соломина обосновывают особую правовую природу обязанности возместить убытки за недобросовестное ведение переговоров, Д.Л. Давыденко исследует ценностный конфликт между интересами правосудия и примирения, а Р.К. Низамова, Т.Л. Курас и Н.Э. Шишкина акцентируют внимание на структуре предмета доказывания по таким спорам [2; 6; 20]. Е.А. Козьякова и В.А. Калигина подчеркивают, что на практике затруднения вызывает не только установление факта недобросовестности, но и распределение бремени доказывания, а также определение состава подлежащих возмещению убытков [4].

Второе направление связано с институтом заверений об обстоятельствах и иными формами преддоговорного информирования. А.А. Соскиева показывает, что вопрос об ответственности за недостоверные заверения не сводится к механическому переносу деликтной или договорной конструкции, поскольку значение имеет функциональная роль заверения в принятии контрагентом решения о вступлении в сделку [21]. Л.В. Щенникова, анализируя судебную практику применения статьи 431.2 ГК РФ, обоснованно указывает на риск смешения «простого переноса риска по договору» и поведения, которое фактически приближается к обману [24]. Ю.И. Пасенко, в свою очередь, отмечает, что сама преддоговорная ответственность остается зоной повышенной квалификационной неопределенности: в зависимости от фактического состава она может тяготеть либо к деликтной, либо к квазидоговорной модели [15].

Третье направление составляют уголовно-правовые исследования разграничения мошенничества и гражданско-правового деликта. М.В. Чесноков справедливо подчеркивает, что установление умысла по делам о мошенничестве опирается прежде всего на анализ объективных данных, поскольку прямые доказательства намерения встречаются редко [23]. Л.Е. Прихожая и В.В. Горовой относят к устойчивым правоприменительным проблемам именно квалификацию деяний по ненадлежащему исполнению обязательств по договору и трудности в выявлении умысла [16]. В.В. Голиков связывает распространенность ошибок с практикой использования уголовного преследования как альтернативного способа давления в гражданско-правовом конфликте [25].

Сильная сторона названных исследований состоит в детальном анализе соответствующих

институтов «внутри» своей отрасли. Вместе с тем межотраслевой синтез пока выражен недостаточно. Даже качественные работы о переговорах и заверениях обычно не выводят критерии разграничения с мошенничеством, а уголовно-правовые исследования, напротив, ограничиваются общим тезисом о необходимости отличать преступление от хозяйственного спора, не раскрывая в полной мере промежуточную зону преддоговорной недобросовестности [15; 16; 18–21; 23–25]. Именно восполнению этого пробела и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили положения Гражданского кодекса Российской Федерации о добросовестности, пределах осуществления гражданских прав, возмещении убытков, переговорах о заключении договора, заверениях об обстоятельствах, недействительности сделок и неосновательном обогащении, а также положения Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве [1; 22]. Принципиальное значение имели правовые позиции, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении общих положений гражданского законодательства, о гражданско-правовой ответственности, о заключении и толковании договора, а также о судебной практике по делам о мошенничестве и о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [7–11]. Дополнительное конституционно-правовое измерение анализу придало определение Конституционного Суда Российской Федерации, подтвердившее конституционный смысл мошенничества как формы завладения имуществом путем обмана или злоупотребления доверием [5].

Эмпирическую базу составили судебные акты Верховного Суда Российской Федерации и обобщенные правовые позиции, отражающие четыре типовые группы дел: 1) получение аванса или предоплаты без реального исполнения; 2) поставочные и смежные коммерческие схемы, в которых существенное значение имели сведения, сообщенные до заключения договора; 3) подрядные конструкции, предполагающие разграничение реального срыва исполнения и имитации деятельности; 4) арендно-лизинговые схемы, где договорная форма использовалась для создания видимости правомерного поведения [3; 12–14].

Методологически работа опиралась на сочетание формально-юридического, системного, логико-догматического, сравнительно-правового и кейс-аналитического методов. Формально-юридический метод использовался для анализа нормативных моделей добросовестности, преддого-

ворной ответственности и мошенничества. Системный метод позволил сопоставить частно-правовые и уголовно-правовые средства оценки поведения, не смешивая их предмет и функции. Логико-догматический метод применялся при выведении критериев разграничения и построении авторского теста квалификации. Кейс-аналитический метод был необходим для проверки того, насколько выведенные критерии работают в реальных судебных ситуациях.

Отбор доктринальных источников осуществлялся по двум критериям: актуальность для поставленной проблемы и научная репрезентативность. В список включены прежде всего публикации 2023–2025 гг., посвященные переговорам о заключении договора, преддоговорной ответственности, заверениям об обстоятельствах и разграничению мошенничества с гражданско-правовыми нарушениями [2; 4; 6; 15–21; 23–25]. Это позволило сохранить современный характер исследования и одновременно опереться на проверяемые и рецензируемые публикации.

Результаты

Проведенный анализ позволяет сформулировать авторскую разграничительную модель, основанную на трех уровнях признаков и шести последовательных шагах квалификации. Ее исходный тезис состоит в следующем: договорная форма сама по себе не исключает мошенничество, но и не превращает любое неисполнение обязательства в преступление. Для вывода о мошенничестве необходимо доказать, что уже в момент вступления в переговоры, принятия на себя обязательства или получения имущества лицо использовало договор не как инструмент обмена, а как средство противоправного завладения чужим имуществом [10; 11; 22].

Первым и основным критерием выступает момент возникновения умысла. Именно он отделяет преступное завладение имуществом от последующего гражданско-правового срыва исполнения. Если умысел на хищение возник после заключения договора в связи с изменением обстоятельств, речь может идти о недобросовестном поведении, но не о мошенничестве в смысле частей 5–7 статьи 159 УК РФ. И наоборот, если лицо с самого начала не намеревалось исполнять обязательство, а договор использовало лишь для получения денег, товара, владения либо права на имущество, имеются основания для уголовно-правовой оценки [10; 11; 16; 23].

Вторым критерием является характер сообщенных контрагенту сведений. Не всякая неточность или неполнота информации имеет квалифицирующее значение. Юридически значимыми являются сведения, которые: а) были суще-

ственны для решения контрагента о вступлении в сделку; б) касались фактов, находящихся преимущественно в сфере осведомленности сообщившего их лица; в) были ложными, неполными либо скрывали критически важные обстоятельства [1; 9; 17–21]. Если такие сведения не просто перераспределяли коммерческий риск, а вводили контрагента в заблуждение относительно самой возможности исполнения, их значение выходит за рамки обычного договорного конфликта.

Третьим критерием выступает наличие или отсутствие реальной возможности исполнить обязательство в момент его принятия. Верховный Суд Российской Федерации прямо относит к числу индикаторов прямого умысла фактическое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство, сокрытие задолженности и обременений имущества, использование подложных уставных документов, фиктивных гарантийных писем и иных документов, создающих ложную видимость платежеспособности либо правомочий [10]. При этом каждый из этих факторов по отдельности не является автоматическим доказательством мошенничества; решающее значение имеет их совокупность [10; 11].

Четвертым критерием служит последующее поведение лица, ретроспективно подтверждающее первоначальный умысел. Само по себе последующее неисполнение еще не доказывает преступление, однако немедленный вывод полученных средств на личные нужды, отсутствие каких-либо подготовительных действий, создание фиктивного документооборота, уклонение от контакта сразу после получения имущества, множественность однотипных эпизодов и имитация частичного исполнения существенно повышают доказательственное значение всей фактической картины [3; 10; 11; 23; 25].

Пятый критерий связан с юридическим значением умолчания. Недобросовестность может выражаться не только в активных ложных заявлениях, но и в сокрытии обстоятельств, которые по характеру будущего договора должны были быть доведены до сведения другой стороны. Для гражданско-правовой оценки этого достаточно, если скрытые обстоятельства имели значение для решения о вступлении в переговоры или заключении договора [1; 8; 9]. Для уголовно-правовой оценки требуется дополнительный элемент: сокрытие должно быть встроено в общую схему завладения имуществом, а не просто сопровождать небрежное либо агрессивное ведение переговоров [10; 11].

Шестым критерием является разграничение нейтральных и инкриминирующих факторов. К числу нейтральных, то есть не свидетельствующих сами по себе о преступном умысле, относятся

последующее ухудшение финансового положения, неблагоприятное изменение рыночной конъюнктуры, управленческие ошибки, реальный спор о качестве, сроках, комплектности, объеме работ или толковании договора, а также частичное исполнение, если оно не носит характер имитации

[7–11; 15; 25]. Эти обстоятельства могут образовывать состав гражданского правонарушения, но без дополнительных данных не превращают дело в мошенничество.

Сформулированные критерии могут быть сведены в следующую классификацию.

Таблица 1. Авторская классификация признаков исходного умысла и их квалификационное значение

Блок признаков	Типичные проявления	Квалификационное значение
Признаки, предшествующие заключению договора	Ложные сведения о статусе, полномочиях, активах, наличии товара, техники, персонала, прав на имущество, корпоративных одобрений, лицензий; использование фиктивных документов; сокрытие критически важных обстоятельств.	Указывают на недобросовестность переговоров; при доказанной направленности на получение имущества формируют сильную гипотезу о первоначальном умысле.
Признаки в момент принятия обязательства или получения имущества	Необоснованно высокий аванс; принятие заведомо неисполнимого обязательства; отсутствие минимальной организационной, имущественной или правовой базы; создание искусственной срочности.	Обладают наибольшим разграничительным значением, поскольку соотносятся с моментом возникновения умысла и с реальной возможностью исполнения.
Признаки последующего поведения	Немедленный вывод средств; отсутствие реальных подготовительных действий; фиктивный документооборот; уклонение от контакта; множественность однотипных эпизодов; имитация частичного исполнения.	Ретроспективно подтверждают исходный умысел, но оцениваются только в совокупности с предшествующими и одновременными признаками.
Нейтральные факторы	Кассовый разрыв, изменение рынка, управленческие ошибки, реальный спор о качестве, сроках, комплектности, объеме работ, толковании договора, частичное исполнение без признаков имитации.	Сами по себе тяготеют к гражданско-правовой квалификации и не доказывают мошенничество без дополнительных данных о первоначальном умысле.

Как видно из таблицы, максимальное разграничительное значение имеет не отдельный признак сам по себе, а конфигурация признаков, распределенных по времени. Чем больше таких признаков возникает до момента получения имущества или одновременно с ним, тем сильнее доказательственная гипотеза о первоначальном умысле. Напротив, если большинство проблем проявилось уже после заключения договора и связано с исполнением, а не с исходным обманом, правовая оценка должна смещаться в гражданско-правовую плоскость.

На материале дел об авансах и предоплате данная модель проявляется наиболее наглядно. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая спор о защите прав потребителя, указал на ситуацию, в которой исполнитель получил предоплату за товар, заведомо не намереваясь исполнять заказ; именно доказанность такого

исходного намерения позволила отличить обман от обычного нарушения обязательства [13]. Значение здесь имеет не сам факт получения аванса, а совокупность обстоятельств: отсутствие реальной подготовки к исполнению, введение заказчика в заблуждение относительно готовности поставить товар, быстрое прекращение контакта и отсутствие действий, направленных на надлежащее исполнение. Следовательно, аванс — лишь нейтральный элемент фактического состава; криминализирующее значение ему придает доказанный первоначальный умысел [10; 11; 13].

В делах о поставке и иных коммерческих соглашениях особую роль играют сведения, сообщенные на преддоговорной стадии. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2024 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 демонстрирует, что ложность либо неполнота заверений об обстоятельствах может

повлечь специальные гражданско-правовые последствия, если контрагент разумно полагался на такие сведения при заключении сделки [9; 12; 21; 24]. Вместе с тем другой спор, разрешенный Верховным Судом Российской Федерации 27.08.2024 по делу № А08-5662/2022, показывает обратную сторону проблемы: не всякое неточное сообщение о корпоративных или организационных предпосылках сделки образует юридически значимую дезинформацию, особенно когда другая сторона могла и должна была проверить соответствующие обстоятельства самостоятельно [14]. Для разграничения с мошенничеством это означает следующее: даже заведомо недостоверные сведения еще не образуют состава преступления, пока не доказано, что они использовались именно как средство первоначального завладения имуществом, а не как элемент некачественного договорного поведения.

Подрядные схемы обычно находятся в наиболее чувствительной зоне между гражданским и уголовным правом. Если подрядчик приступал к исполнению, нес реальные затраты, выполнил часть работ, вел переписку о корректировке сроков и объема, а конфликт связан с качеством, приемкой либо оплатой, спор должен разрешаться гражданско-правовыми средствами. Иная ситуация складывается при сочетании трех факторов: отсутствия минимальной организационной базы для исполнения еще в момент заключения договора, использования фиктивных подтверждений готовности к работам и последующей имитации деятельности, направленной лишь на удержание аванса [10; 11; 16; 23]. В таком случае именно подрядная форма становится способом маскировки первоначального умысла.

Арендные и лизинговые схемы демонстрируют ту же закономерность. В кассационном определении от 13.06.2019 № 20-УД19-9 Верховный Суд Российской Федерации оценил ситуацию, в которой договоры финансовой аренды использовались для создания видимости обычной предпринимательской деятельности, а первоначальные платежи носили камуфлирующий характер и были рассчитаны на усыпление бдительности контрагента [3]. Существенное значение здесь имели: отсутствие у виновного лица реального намерения исполнять принятые обязательства, использование договорной конструкции для завладения имуществом и поведение после получения техники. Этот пример важен потому, что наглядно опровергает распространенный аргумент о том, будто наличие договора, частичных платежей или переговоров автоматически исключает мошенничество.

Таким образом, результаты исследования позволяют сформулировать авторскую трехуров-

невую систему признаков исходного умысла. К первому уровню относятся признаки, предшествующие заключению договора: ложные сведения о статусе, полномочиях, активах, наличии товара, техники, персонала, прав на имущество, корпоративных одобрений, лицензий и иных обстоятельствах, без знания которых контрагент не вступил бы в сделку [9; 17–21]. Ко второму уровню относятся признаки, проявляющиеся в момент заключения договора или получения имущества: требование необоснованно значительного аванса, принятие на себя заведомо неисполнимых обязательств, отсутствие минимальной организационной, имущественной или правовой базы для исполнения [10; 11; 16]. К третьему уровню относятся признаки последующего поведения, ретроспективно подтверждающие исходный умысел: немедленный вывод средств, отсутствие реальных подготовительных действий, использование подставных лиц, уклонение от контакта, множественность однотипных эпизодов, фиктивная частичная активность, противоречивые объяснения причин неисполнения [3; 10; 11; 23].

Обсуждение

Сопоставление полученных результатов с современными доктринальными подходами позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, предложенная модель подтверждает цивилистический тезис о самостоятельном значении преддоговорной стадии. Если переговоры и заверения об обстоятельствах признаются юридически значимыми этапами формирования договорной воли, то именно на этой стадии и должен выявляться значительный массив фактов, позволяющих отличить обычный хозяйственный риск от целенаправленного обмана [17–21]. Во-вторых, уголовно-правовой анализ показывает, что для мошенничества важен не любой дефект согласования воли, а использование этого дефекта как инструмента изначального завладения имуществом [10; 11; 16; 23; 25].

Предлагаемая модель снижает риск избыточной криминализации гражданского оборота потому, что не позволяет делать вывод о мошенничестве на основании одного лишь факта неисполнения договора, просрочки, неплатежа или хозяйственной несостоятельности. Наличие задолженности, финансовых трудностей, кассового разрыва, дефектов исполнения либо корпоративных нарушений само по себе еще не доказывает преступный умысел. Более того, гражданско-правовой спор может сопровождаться резкой риторикой сторон, частичной недостоверностью переговорных обещаний и даже существенными убытками, но оставаться в сфере частного права,

если отсутствуют данные о первоначальной направленности поведения на хищение [7–10; 15; 25].

Одновременно модель препятствует и противоположной ошибке — искусственному выведению дела из уголовно-правовой сферы только потому, что стороны подписали договор или совершили отдельные платежи. Наличие договорной оболочки, как видно из практики Верховного Суда Российской Федерации, не нейтрализует преступный характер действий, если договор заключался лишь для создания видимости законности и облегчения завладения чужим имуществом [3; 10; 11]. Следовательно, ссылка на «гражданско-правовой характер отношений» сама по себе не может считаться достаточным аргументом защиты; она требует проверки через критерии момента умысла, содержания преддоговорной информации и последующего поведения.

В прикладном отношении это позволяет предложить шестишаговый тест квалификации.

Шаг 1. Следует установить, какие именно сведения были сообщены контрагенту до заключения договора и имели ли они существенное значение для его решения вступить в сделку. Речь идет не о любом информационном фоне, а о фактах, без знания которых контрагент либо не заключил бы договор, либо заключил бы его на иных условиях [1; 9; 17–21].

Шаг 2. Необходимо проверить, были ли эти сведения ложными, неполными, заведомо искаженными либо скрывали критически важные обстоятельства. При этом важно разграничить коммерческое преувеличение, обычное распределение риска и юридически значимую дезинформацию [15; 21; 24].

Шаг 3. Требуется установить, существовала ли у лица реальная возможность исполнить обязательство в момент его принятия. Отсутствие организационной базы, прав на объект, товара, техники, персонала, лицензии, одобрения крупной сделки или финансового ресурса само по себе не всегда достаточно, но в совокупности с иными данными приобретает решающее значение [10; 11; 14].

Шаг 4. Далее анализируется поведение лица сразу после получения имущества, аванса или иного встречного предоставления. Именно на этом этапе выявляются действия, подтверждающие, что исполнение никогда не планировалось: вывод средств, фиктивный документооборот, исчезновение, создание цепочек посредников, имитация частичной активности [3; 10; 11; 23].

Шаг 5. После этого необходимо разграничить три возможные правовые модели. Если проблемы возникли на стадии исполнения и связаны

с экономическим риском, спор имеет гражданско-правовую природу. Если существенную роль сыграло недобросовестное ведение переговоров либо недостоверные заверения, но не доказан первоначальный умысел на хищение, речь идет о преддоговорной недобросовестности и специальных гражданско-правовых последствиях. Если же совокупность признаков указывает на то, что договорная форма с самого начала использовалась как средство завладения имуществом, появляется основание для квалификации по статье 159 УК РФ [1; 10–12; 22].

Шаг 6. Наконец, требуется проверить, образует ли установленная совокупность фактов именно уголовно-правовой обман или злоупотребление доверием, а не только гражданско-правовое нарушение. Здесь особенно важно избегать редукции сложной фактической картины к одному признаку: например, к наличию аванса, неплатежу, просрочке либо к факту прекращения переговоров [5; 10; 11; 25].

С теоретической точки зрения предложенный подход позволяет снять ложную дихотомию «или гражданское право, или уголовное право». В действительности преддоговорная недобросовестность образует промежуточную зону, где гражданско-правовые последствия могут сосуществовать с уголовно-правовой оценкой, но только при наличии дополнительных доказательств первоначального умысла. Именно эта промежуточная зона и требует наиболее аккуратного анализа, поскольку здесь цена квалификационной ошибки особенно высока: либо хозяйственный оборот неоправданно криминализируется, либо заведомо мошенническая схема остается прикрытой договорной формой.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, граница между гражданско-правовым спором, преддоговорной недобросовестностью и мошенничеством не может быть проведена по одному формальному критерию — наличию договора, факту неисполнения, получению аванса или причинению убытков. Определяющее значение имеет совокупный анализ момента возникновения умысла, характера сообщенных контрагенту сведений и последующего поведения лица [10; 11; 22].

Во-вторых, преддоговорная недобросовестность представляет собой самостоятельную промежуточную зону юридической оценки. Она охватывает случаи вступления в переговоры или их продолжения без реального намерения достичь соглашения, предоставления существенной

неполной либо недостоверной информации, а также сокрытия обстоятельств, которые по характеру будущего договора должны были быть доведены до сведения другой стороны [1; 8; 9; 17–21]. Эти случаи не тождественны мошенничеству, но и не сводимы к «обычному» нарушению договора.

В-третьих, научная новизна настоящей статьи заключается в разработке трехуровневой системы признаков исходного умысла и шестишагового теста квалификации. Предложенная модель позволяет: а) отделить обычное неисполнение обязательства от преддоговорной недобросовестности; б) отделить преддоговорную недобросовестность от уголовно наказуемого мошенничества; в) обосновать решение на основе проверяемых фактов, а не на основе интуитивной оценки конфликтной ситуации.

В-четвертых, практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные критерии могут использоваться судами при разграничении гражданско-правовых и уголовно-правовых последствий, следствием и прокуратурой — при оценке данных о первоначальном умысле, адвокатами — при построении позиции по экономическим и имущественным спорам, а также юристами договорной практики — при разработке процедур *due diligence*, заверений об обстоятельствах и механизмов проверки контрагента.

Итоговый вывод состоит в том, что неисполнение обязательства становится мошенничеством не тогда, когда причиняет крупный ущерб или вызывает сильное недоверие контрагента, а тогда, когда доказано: лицо изначально не намеревалось исполнять обязательство и использовало договорную форму как инструмент обмана или злоупотребления доверием. Именно такое понимание позволяет одновременно защитить стабильность гражданского оборота и обеспечить эффективное противодействие заведомо мошенническим схемам.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Давыденко Д. Л. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров об урегулировании гражданско-правового спора: конфликт ценностей правосудия и примирения? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 144–154. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/144-154.
- [3] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2019 № 20-УД19-9 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- [4] Козьякова Е. А., Калигина В. А. Проблемные вопросы возмещения преддоговорных убытков // Ученые записки Алтайского филиала РАН-ХиГС. 2025. № 1 (26). С. 58–62.
- [5] Конституционный Суд Российской Федерации. Определение от 30.11.2021 № 2625-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кондаковой Юлии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Низамова Р. К., Курас Т. Л., Шишкина Н. Э. Предмет доказывания в делах о преддоговорной ответственности // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2 (109). С. 115–123. DOI: 10.26516/2071-8136.2025.2.115.
- [7] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.
- [8] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 5.
- [9] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.
- [10] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2017. № 1.
- [11] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.
- [12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2024 № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- [13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2022 № 46-КГ22-31-К6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2024 № 310-ЭС24-15041 по делу № А08-5662/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[15] Пасенко Ю. И. Проблема правовой квалификации преддоговорной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2024. № 9. С. 125–130. DOI: 10.24158/tpor.2024.9.16.

[16] Прихожая Л. Е., Горовой В. В. Правоприменительные проблемы уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 479–481. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_479.

[17] Райников А. С. Понятие переговоров о заключении договора // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 10. С. 93–101.

[18] Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о доброй совести // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7. № 3. С. 109–121. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

[19] Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // Ex jure. 2024. № 3. С. 97–110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110.

[20] Соломин С. К., Соломина Н. Г. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 246–253. DOI: 10.17223/15617793/489/25.

[21] Сосниева А. А. К вопросу об ответственности за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 2. С. 193–204. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-2-11.

[22] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[23] Чесноков М. В. Криминалистические особенности доказывания умысла на совершение мошенничества в сферах кредитования и займа // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. № 2. С. 41–46. DOI: 10.18822/byusu20250241-46.

[24] Щенникова Л. В. Институт заверений об обстоятельствах: научная дискуссия и судебная практика // Общество и право. 2024. № 1 (87). С. 95–102.

[25] Голиков В. В. Дифференциация мошенничества и гражданско-правового деликта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-1 (101). С. 262–265. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-2-1-262-265.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Собр. legislation Ros. Federations. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Davydenko D. L. Responsibility for unfair negotiations on the settlement of a civil dispute: conflict of values of justice and reconciliation ?//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2024. № 2 (57). S. 144-154. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/144-154.

[3] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.06.2019 No. 20-UD19-9//Access from SPS "ConsultantPlus."

[4] Kozyakova E. A., Kaligina V. A. Problematic issues of compensation for pre-contractual losses//Scientific notes of the Altai branch of the RANEPa. 2025. № 1 (26). S. 58-62.

[5] Constitutional Court of the Russian Federation. Ruling of 30.11.2021 No. 2625-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kondakova Yulia Vladimirovna about violation of her constitutional rights by Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation "///Access from SPS "ConsultantPlus. "

[6] Nizamova R.K., Kuras T.L., Shishkina N.E. Subject of evidence in cases of pre-contractual liability//Siberian Legal Bulletin. 2025. № 2 (109). S. 115-123. DOI: 10.26516/2071-8136.2025.2.115.

[7] On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25//Bulletin of the Supreme Court Ros. Federations. 2015. № 8.

[8] On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7//Bulletin of the Supreme Court Ros. Federations. 2016. № 5.

[9] On certain issues related to the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a treaty: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49//Bulletin of the Supreme Court of Russia. Federations. 2019. № 2.

[10] On the practice of the courts of applying legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activity: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2016 No. 48//Bulletin of the Supreme Court of Russia. Federations. 2017. № 1.

[11] On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48//Bulletin of the Supreme Court of Russia. Federations. 2018. № 2.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.04.2024 No. 305-EC22-17862 in case No. A40-167835/2021//Access from SPS "ConsultantPlus."

[13] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2022 No. 46-KG22-31-K6//Access from SPS ConsultantPlus.

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.08.2024 No. 310-EC24-15041 in case No. A08-5662/2022//Access from SPS "ConsultantPlus."

[15] Pasenko Yu. I. The problem of legal qualification of pre-contractual liability//Theory and practice of social development. 2024. № 9. S. 125-130. DOI: 10.24158/tipor.2024.9.16.

[16] Hallway L. E., Gorova V. V. Law enforcement problems of criminal liability for certain types of fraud//Agrarian and land law. 2025. № 2. S. 479-481. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_479.

[17] Rainikov A. S. The concept of negotiations on the conclusion of a contract//Journal of Russian Law. 2024. T. 28. № 10. S. 93-101.

[18] Rainikov A. S. Negotiations on the conclusion of a treaty in the context of the civilistic doctrine

of good conscience//Justice/Justice. 2025. VOL. 7. № 3. S. 109-121. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.3.109-121.

[19] Rainikov A. S. Freedom of negotiation as an independent aspect of the principle of freedom of contract: content and limits//Ex jure. 2024. № 3. S. 97-110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110.

[20] Solomin S.K., Solomina N. G. The legal nature of the obligation to compensate for losses for unfair negotiation//Bulletin of Tomsk State University. 2023. № 489. S. 246-253. DOI: 10.17223/15617793/489/25.

[21] Soskiewa A. A. On the issue of responsibility for providing false assurances about the circumstances//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2024. № 2. S. 193-204. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-2-11.

[22] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Sobr. legislation Ros. Federations. 1996. № 25. Art. 2954.

[23] Chesnokov M.V. Forensic features of proving intent to commit fraud in the areas of lending and lending//Bulletin of Ugra State University. 2025. VOL. 21. № 2. S. 41-46. DOI: 10.18822/byusu20250241-46.

[24] Schennikova L. V. Institute for Assurances of Circumstances: Scientific Discussion and Judicial Practice//Society and Law. 2024. № 1 (87). S. 95-102.

[25] Golikov V.V. Differentiation of fraud and civil tort//International Journal of Humanities and Sciences. 2025. № 2-1 (101). S. 262-265. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-2-1-262-265.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.